РАЗДЕЛ II
ГЕОГРАФИЯ, ЭКОЛОГИЯ, ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

SECTION II
GEOGRAPHY, ECOLOGY, NATURE USE

УДК 911.3:636.2 (571.55)

Вера Ивановна Гильфанова,

мл. науч. сотрудник,

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН

г. Чита, Россия

Альбина Тимофеевна Соловова,

науч. сотрудник,

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН

г. Чита, Россия

**Этно-экологические аспекты создания территории
опережающего развития на севере Забайкалья¹**

В статье обсуждается необходимость учёта структурно-функциональных, инфраструктурных и этно-экологических особенностей организации пространства при формировании территории опережающего развития на севере Забайкальского края. Рассматриваются механизмы взаимодействия традиционного и промышленного природопользования.

Ключевые слова: северная периферия, территория опережающего развития, традиционное природопользование, этнотуризм

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ИПРЭК СО РАН по проекту XI.174.1.8. «Программы фундаментальных исследований СО РАН» и при частичной поддержке РФФИ (проект № 19-010-00485 «Анализ инвестиционных поступлений»).

Vera Ivanovna Gilfanova,

Junior Scientific Officer,
Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS,
Chita, Russia

Albina Timofeyevna Solovova,

Scientific Officer,
Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS,
Chita, Russia

Ethnographic and Ecological Aspects of Creation of “Rapid Developing Territories” in the North of Transbaikal Region

The article discusses the need to take into account functional, infrastructural and ethno-ecological features of the organization of space in the formation of the territory of advanced development in the north of the Trans-Baikal Territory. The mechanisms of interaction between traditional and industrial nature management are considered.

Keywords: northern periphery, territory of advanced development, traditional nature management, ethnotourism

Наиболее важными и трудно решаемыми социально-экономическими задачами на периферийных территориях Азиатской России являются задачи структурно-функциональной организации пространства, сопряжённые с освоением, как правило, огромных территорий, заселённых малочисленным автохтонным населением. В числе трёх северных районов Забайкальского края Каларский район имеет самую большую территорию (56,7 тыс. км²) с населением в 7,8 тысяч человек [Численность населения..., 2019].

Богатство недр (в частности, месторождения Удокана, занимающего 3-е место в мире среди неразработанных месторождений меди), географическая близость к ключевым мировым потребителям металла в Китае, Японии и Южной Корее делают реализацию проекта развития территории опережающего развития (далее – ТОР) актуальной.

Северная периферия представляет собой особые природную и социально-экономическую реальности. Первая из них имеет высокий минерально-ресурсный и туристско-рекреационный потенциал, лишь незначительная часть которого исполь-

зуется. Для второй характерны глубинность размещения ресурсного потенциала, низкая инфраструктурная освоенность, сочетание дисперсности расселения и низкой плотности населения.

В целом территория района труднодоступна, слабо заселена, сезонно посещаемая. На ней затруднена адаптация населения к постоянному проживанию, средний показатель плотности крайне низок – 0,1 человека на км². Низкая доступность узловых экономических центров, большие физические и экономические расстояния увеличивают затраты на транспорт. Слабый уровень связанности и социально-экономического развития территории формирует разобщённость местных сообществ и правил ведения бизнеса с издержками во взаимодействии. Контрастность в доступности центральных и периферийных мест внутри муниципального района формирует мозаичность размещения производства, дисперсность расселения и нестабильность поселений.

В периоды активного освоения число поселений в районе приближалось к 20. Поселения монопрофильны и представлены ограниченным набором функциональных типов, указанных в таблице «Пространственно-функциональная структура расселения Каларского района».

Пространственно-функциональная структура расселения Каларского района

<i>Название поселения/ функциональный тип</i>	<i>Расстояние, км</i>		<i>Дата образования, год</i>	<i>Дата ликвидации, год</i>	<i>Численность населения, чел./год</i>	
	<i>до райцентра</i>	<i>до ж/д</i>			<i>пик</i>	<i>минимум</i>
Чара/А		16	1931		3407/1989	130/1931
Чапо-Олого/ОП	58	18	1901		147/2012	139/2013
Кюсть-Кемда/ ОП	8	24	1866		285/2008	202/2015
Средний Калар/ ОП	127	143	1927		185/1989	25/2018

Окончание таблицы

Название поселения/ функциональный тип	Расстояние, км		Дата образования, год	Дата ликвидации, год	Численность населения, чел./год	
	до райцентра	до ж/д			пик	минимум
Неляты/СХ	162	30	1928		239/1994	25/2018
Новая Чара*/Т	16		1979		9000/1989	3949/2018
Сюльбан/Т	100		1981– 1989	1991	548/1989	–
Леприндо/Т	77	48	1981	1990	3000/1985	–
Куанда*/Т	130		1982		2973/1994	1614/2002
Кодар/Т	84	68	1982	1990	до 100 чел. в год	
Икабья*/Т	32		1981		3000/1981	510/2002
Катугино/ГР	88	104	1969– 1970	1994	496/1989	
Западный/ГР	82		1969– 1970	1993– 1994	около 100 чел. в год	
Чина/ГР	81		1981	1990	500/1982	300/1989
Догопчан/СХ и ОП	168		1932	2001	45/1930	4/1985
Бахтарнак/СХ и ОП	160		н/д	1953	н/д	
Апсат/ГР	40		1976	1992	350/2016	81/1982
Наминга/ГР	56	72	1952	1994	1500/1952– 1966	381/1989
Прииск им. XI лет Октября, Китемяхта/ГР	153	152	1928	1993	1000/1930	н/д
Читканда / ГР	110	126	1961	1962– 1964	н/д	н/д
Примеч.: * – посёлки при железнодорожных станциях; н/д – нет данных. Функциональные типы: А – административно-хозяйственный; ГР – геологоразведочный; Т – транспортный; ОП – оленеводческо-промысловый; СХ – сельскохозяйственный						

В настоящее время жители района проживают в девяти населённых пунктах. Большая часть населения живет в посёлке городского типа Новая Чара (3824 чел.), сёлах Чара (1637 чел.), Куанда (1431 чел.) и Икабья (376 чел.). Численность остальных населённых пунктов – около 200 человек и менее [Численность населения..., 2019]. Большинство поселений, связанных с геологоразведочными работами, было построено в 1980-е гг. Удоканской экспедицией. Около половины всего трудоспособного населения Каларского района в то время было занято в геологоразведочной отрасли. Пульсирующий цикл существования поселений определялся временем освоения и эксплуатации месторождений. На сегодня утрачены поселения Ингамакит, Читканда, Эмигачи, Ничатка, Усть-Катугино, Наминга, Западный, Чина, Кодар, Леприндо, Прииск им. XI лет Октября, Бахтарнак и др.

Время существования ряда транспортных поселений (Сюльбан, Леприндо, Кодар) также не было продолжительным и определялось выполнением задачи построения БАМ. По оценке условий постоянного проживания пришлого населения район оценивался как дискомфортный, с повышенными затратами на создание более высокого уровня жизни [Прохоров, 1978], ориентацией на применение вахтового метода работ и дальнейший возврат населения в более благоприятные условия для постоянного проживания. Оленеводческо-промысловые поселения преимущественно с эвенкийским населением (Кюсть-Кемда, Чапо-Олого) устойчивы, со свойственной миграцией населения.

Внутрирайонная транспортная связанность территории слабая. Автомобильная сеть дорог имеет протяжённость 719,3 км, из них 213 км – автозимники, 109,5 км – автодороги поселений (местного значения). Автодороги регионального значения (85 км) соединяют пгт Новая Чара, сёла Чара, Икабья и Чапо-Олого. Функционирование железной дороги с её широтной транзитной направленностью формирует межрегиональные горизонтальные связи (Республика Бурятия, Иркутская, Амурская и Новосибирская области) с резервами полифункционального широтного взаимодействия. Притрассовые поселе-

ния доступны, достаточно устойчивы. Их функционирование интенсифицируется, растёт движение потоков людей, товаров и услуг. Существующее меридиональное территориально-экономическое взаимодействие север – юг ограничено авиасвязью (Чита–Чара); автозимник Могоча–Чара не конкурентоспособен.

Трудоспособное население Каларского района численностью немногим более 3000 человек занято в системе БАМ, Апсатского угольного месторождения и других предприятий и организаций. Потенциальных квалифицированных трудовых ресурсов нет. Возможности Забайкальского края для удовлетворения целевых запросов по специальностям и уровню квалификационной подготовки для работы на объектах ТОР ограничены. Все эти свойства экономического пространства удорожают затраты, формируют и оживляют миграционные процессы, требуют принятия особых управленческих решений. Работает тезис, что слабой пространственной концентрацией населения сформировано пространственное неравенство региона [Новый взгляд..., 2010].

Создание ТОР с определёнными налоговыми, тарифными и регуляторными льготами является инструментом для привлечения бизнеса и инвестиций. Так, в модели освоения Удоканского месторождения Байкальской горной компанией, получившей лицензию на его разработку, на первом этапе строительства намечается привлечь более 1000 строителей, которых на территории района и края нет. Вахтовый метод освоения, признанный определяющим при формировании рабочего коллектива, предполагает по исчерпанию запасов уход с территории. Такой тип организации процесса освоения соответствует раннему индустриальному периоду истории человечества, когда основой социально-экономического развития территорий являются факторы «первой природы» [Кругман, 2005].

Возможности ТОР дают шанс эвенкам эффективно и полно использовать этно-туристический потенциал традиционно природопользования (далее – ТП), опираясь на финансовую поддержку горнодобывающими компаниями социально-значимых проектов. Интересы субъектов туристической деятельности только начинают оформляться. Наблюдается слабое

взаимодействие как в использовании ресурсов, так и в формировании турпродуктов, отсутствие цепочек дестинаций. Для северного региона с его ограниченными возможностями выстраивания туробъектов в цепочки нужна своя схема. В связи с тем, что трасса БАМ проходит через Кодар и Удокан, разного рода туристические маршруты (этнографические, горные, водные и другие) начинаются прямо с поезда. Посёлки при железнодорожных станциях (Куанда, Новая Чара, Икабья) могут стать началом цепочек маршрутов к объектам интереса туристов: стоянкам оленеводов, хребту Кодар, вулканическому лавовому плато Станового нагорья, ледникам, водопадам, высокогорным озёрам, минеральным источникам и др.

В процессе ТП совмещаются культурный и природный компонент, сохраняются естественные ритмы жизнедеятельности (суточность, сезонность). По мнению учёных, взятая в достаточных размерах, территория ТП – это теоретически единственная зона, которая может существовать почти вечно [Каганский, 2001]. Традиции, которые передаются как востребованные, актуально возобновляемые, присутствующие в менталитете (неуловимость, живая изменчивость и вместе с тем устойчивость жизненных установок и моделей поведения) являются основой туристского интереса. Важно помочь небольшим семейным предприятиям этнотуризма набрать оптимальный пакет коммерчески успешного проекта. Первыми доходный потенциал кооперации и регионального маркетинга могут оценить именно туристически неразвитые районы [Есопотом, 2005]. Наряду с природной экзотикой этнокультурное своеобразие может стать активом въездного туризма, реализуясь в процесс восстановления этнокультурных событий для туристского показа. Актуализация самобытной культуры будет способствовать возникновению новых центров потенциальных дестинаций. При этом потребуется высокий уровень кадров для разработки концепции туристского продукта с полным раскрытием и предъявлением его.

Взаимодействие населения, обживающего территорию, и пришедшего «агента» инвестиций, деятельность которого государство может активизировать через формирование ТОР, гармонизируется и имеет положительный социальный эффект только

в том случае, когда последний (т. е. хозяйствующий субъект) в процессе промышленного освоения учитывает этно-экологические особенности Севера.

Список литературы

1. Каганский В. Л. Ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
2. Кругман П. Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. 2005. № 3. С. 121–136.
3. Новый взгляд на экономическую географию: доклад о мировом развитии за 2009: пер. с англ. М.: Весь мир, 2009. 408 с.
4. Прохоров Б. Б. Медико-географические подходы к проблемам оптимизации условий труда и быта населения при экономическом освоении районов с суровой природой // Проблемы развития районов с экстремальными природными условиями. Иркутск: ИГУ, 1978. С. 119–140.
5. Численность населения Забайкальского края на 1 января 2019 года: стат. сб. Чита: Забайкалкрайстат, 2019. 18 с.
6. Economou D., Vrassida M. Urban Dynamics and Networking in Coastal Cities // Land Use and Water Management in a Sustainable Network Society. Amsterdam: ERSА, Louvain-la-Neuve, 2005. P. 122.

УДК 911.3

Ольга Николаевна Гурова,

канд. геогр. наук, науч. сотрудник,

Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН,

г. Чита, Россия

Территории опережающего социально-экономического развития: истории успеха и проблемы функционирования (опыт Дальнего Востока)¹

Работа посвящена вопросу создания в регионах России нового механизма социального и экономического развития – территориям опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Рассматривается

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ИПРЭК СО РАН IX. 88. 1.6. «Пространственное развитие Востока России: проблема обеспечения эколого-экономического баланса в приграничных регионах».